

СБ – Беларусь сегодня

07.07.2018

Художник Полесья

Народного художника Гавриила Ващенко вспоминает сын Константин

Ирина Завадская

Картины Гавриила Ващенко — они о той Беларуси, которую сложно описать словами. Невозможно ведь рассказать про тепло яблок, нагретых родными руками. Или передать даже в десятке фраз особенный запах стен дома, где вырос. Но эта лаконичная живопись без лишних подробностей позволит ощутить все и понять о нашей стране главное. Приходите в Национальную библиотеку и берите с собой своих гостей — выставка «Земля под белыми крыльями», приуроченная к 90-летию, пожалуй, самого белорусского из всех художников, продлится здесь в галерее «Лабиринт» до первых чисел сентября.

В эти же дни в гомельской именной галерее Ващенко возобновили выставку «Мастер и мастера», которую в 2004 году Гавриил Харитонович организовал вместе со своими знаменитыми учениками. Значительная часть работ, которые тогда демонстрировались, осталась в Гомеле. Гомельская выставка — больше уже о самих художниках, которые назовут Ващенко своим учителем. Какими бы разными ни

были их картины и судьбы, эта живопись лишена меркантильности и остается очень белорусской по сути. Звучит, конечно, пафосно, но с фактами не спорят. Определенно имя Гавриила Ващенко — в основании новейшей истории нашего искусства. А писали эту историю Зоя Литвинова, Григорий Нестеров, Сергей Римашевский, Леонид Хоботов, Сергей Криштапович, Руслан Вашкевич и многие другие его ученики. Писали и продолжают писать.

Рука

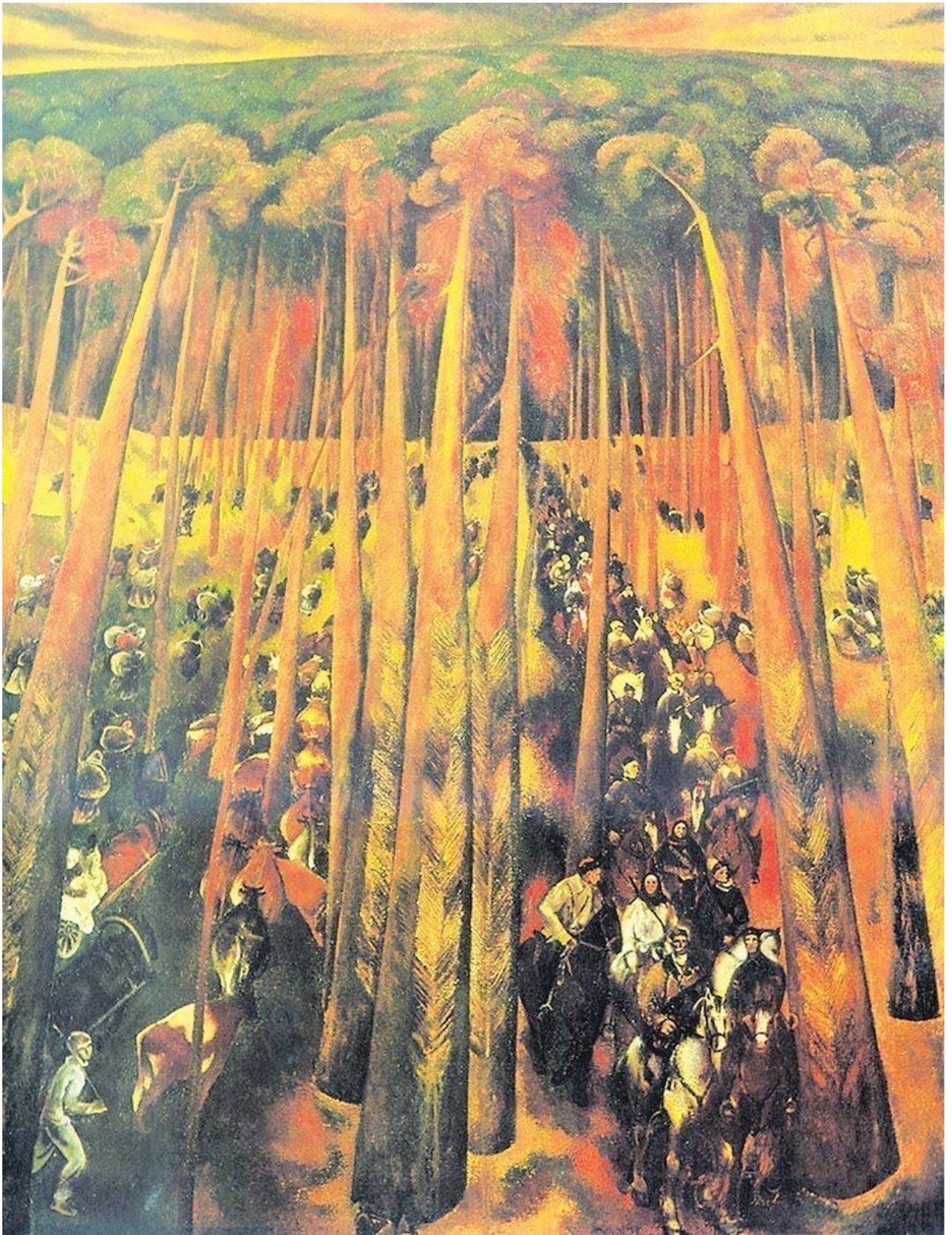
— Хорошо помню семейные разговоры, когда его звали в Москву, — рассказывает художник Константин Ващенко, сын Гавриила Харитоновича. — Приглашали очень серьезно, со всеми вытекающими из этого предложения квартирами, возможностями, заказами. В конце 1970-х это выглядело весьма перспективным, при том, что в партию мой отец так и не вступил, успев обзавестись в Минске репутацией формалиста, националиста, да каких только ярлыков на него не вешали... Я, тогда еще школьник, уже предвкушал переезд. Но отец спокойно сказал: «Знаешь, я не для того уехал из Молдавии, чтобы перебраться в Москву». Понятие родины у него было глубинным, вечным. Думаю, в Москве он бы и не состоялся, не его это. И в Кишиневе, и в Минске всегда писал свое Полесье, полешуков. Там и сейчас множество родни, хотя отцовской хаты давно не осталось.

Первую разобрали еще в 1930-х, когда репрессировали моего деда. Бабушку с двумя сыновьями приютили чужие люди. Собственный дом у них появился только после войны. Строил его мой отец, в то время отчаянный деревенский мальчишка, который собирал по окрестностям взрывчатку, чтобы взрывать блиндажи. Помочь было некому, старший брат Николай еще воевал. Многие складывали новые дома из бревен разрушенных укрытий. Тогда отец и покалечил правую руку. Лечили в деревне по-простому: смазали маслом, замотали тряпичей. Так он стал левшой.

Судьба

Начало творческой биографии Гавриила Ващенко многократно описано в монографиях, на других печатных страницах. И сам он не раз рассказывал в интервью, как, поступив в Гомельский железнодорожный техникум, неожиданно даже для себя развернул свою жизнь в противоположную сторону. Прямо там, на пристани, где ждал паром, чтобы вернуться домой. Случайно увидел в газете объявление о наборе слушателей в Киевское училище прикладных искусств и отправился туда будто по наитию. Потом еще одна известная история — как вместе с другими студентами без жилья его поселили в актовом зале с выбитыми еще в годы войны стеклами. Там все и жили, пока один из них не замерз насмерть. Ващенко судьба сберегла. Еще раз.

В его Чикаловичи, хоть деревня и оказалась на оккупированной территории Гомельщины, нацисты пришли не сразу. Там еще успели собрать урожай, разделив зерно между всеми, кто не ушел на фронт, — нежданным хлебным изобилием художнику и запомнилось начало войны.

«Баллада о мужестве»

— Однажды мы завели с ним разговор о стадном чувстве, — продолжает Константин Ващенко. — Отец вспомнил, как фашисты сгоняли их на деревенскую площадь, где до того построили деревянный помост. Он пытался бежать, пока не осознал, что уже не вырваться. Тогда наступило безразличие. И вдруг раздался рев мотоцикла, соскочивший с него человек о чем-то сообщил командиру отряда гитлеровцев, те быстро собрались и

уехали. Казнь не состоялась... Но не могу сказать, что мой отец был фаталистом. Свою жизнь он всегда строил сам.

Документы

— Когда он получил в училище свой паспорт, обнаружил, что фамилию записали на украинский манер, попутно изменив национальность. Настоял, чтобы документы исправили, — теперь там значилось, что Ващенко белорус. Однако попытка вернуть своей фамилии белорусское окончание — на «а» — не удалась. Времена были смутные, и когда отец пришел за новыми документами в третий раз, его предупредили, что за такое можно поплатиться свободой.

Даже в Молдавии, где оказался по распределению, отправляясь с коллегами на этюды, он выбирал на палитре характерные для Полесья коричневые тона, а не яркие краски, которые больше соответствовали молдавской природе. Констатировал это просто как факт. Так же спокойно вспоминал и комнату, которую они с моей будущей мамой сняли в местной мазанке. Комната была сырой и холодной. До такой степени, что замерзала вода в стакане. «Но стены так красиво искрились», — рассказывал отец.

«Хлебушек убран»

Деньги

— И его советы были просты. Никогда не делай того, чего не хочешь получить в ответ. Не влезай в долги. Сам был аккуратен с деньгами, хотя они никогда не были для отца самоцелью. В детстве он иногда ходил с матерью в соседнюю деревню продавать масло. На обратном пути заходили в церковь. По дороге мать раздавала практически все деньги

нищим: «Главное, сыночек, чтобы ты давал, а не тебе».

Коммерческим художником отец никогда не был, но к 1970-м, когда сделал столько значительных монументальных работ, стал, конечно, человеком обеспеченным. Как-то раз я, старшеклассник, пришел просить у него денег — в продаже появилась аудиосистема, о которой мечтал. Отец отказал. Однако когда в Питер привезли хорошие выставки, дал мне практически такую же сумму, что я просил на аппаратуру. Объяснив, как это важно, ведь я еду не на прогулку, а по делу, что должен купить правильные книги, зайти в Эрмитаж, достойно выглядеть. Как подобает белорусу.

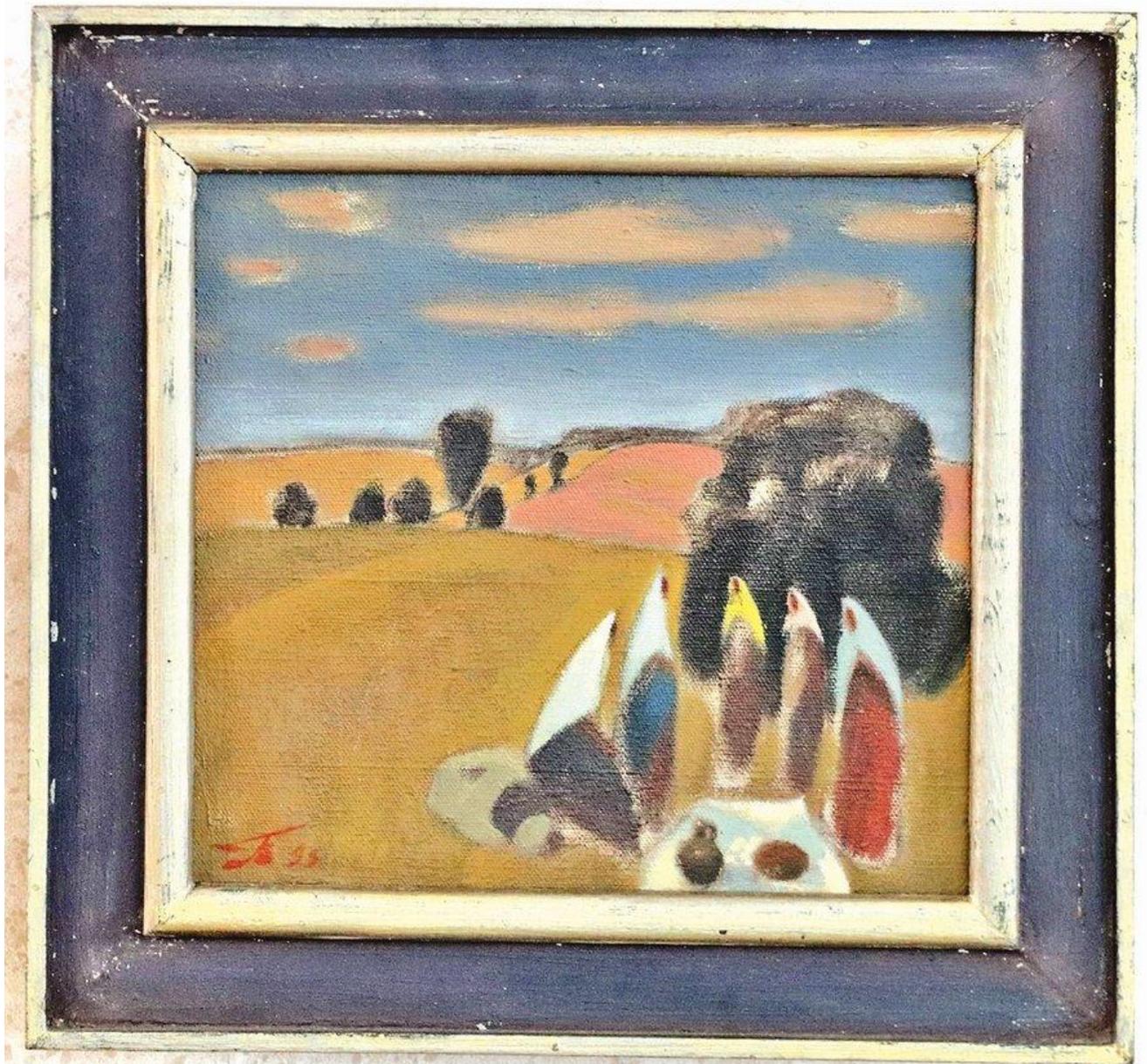
Катер

Расхожий сюжет о том, как Гавриил Харитонович спас от сноса Красный костел, расположенный в «идеологически неправильном» месте Минска, также отнюдь не легенда. Петр Машеров лично распорядился сохранить здание, впечатлившись новыми витражами, которые создал Ващенко.

— Увидев эскизы этих витражей в мастерской, я спросил, почему они настолько абстрактны, — вспоминает сын. — «Потому что есть надежда, что еще все вернется, что будет костел, — услышал в ответ. — Тогда их не придется менять». Так и вышло.

При этом крепким здоровьем отец, сколько я его помню, никогда не отличался. Хотя его прабабушка Синклета, которую я еще застал, дожила до 118 лет — крепостное право помнила! Он же постоянно беспокоился, чтобы мама не осталась одна (и причин для такого беспокойства хватало), даже взял с меня обещание, что, когда я женюсь, останусь с ними. Как умудрился столько прожить и так много сделать? А потому что цели были. Вообще, это было очень здоровое поколение. Не физически, по-другому.

У отца на все хватало времени, он никогда не суетился. Хотя его решение отказаться от телефона в мастерской когда-то повергло меня в шок. А вот почему он предпочел купить катер, а не машину, мне было понятно. Бывало, даже за штурвалом задумывался, а на реке это все же не так опасно. Самые невероятные путешествия из всех, которые случились в моей жизни, — наши сплавы по белорусским рекам. Кстати, только тогда отец и делал этюды — в другое время с природы не писал. Сосны с его знаменитой картины «Баллада о мужестве» существовали в реальности — лежал на берегу, смотрел в небо и увидел такой символ: деревья, которые защищают...

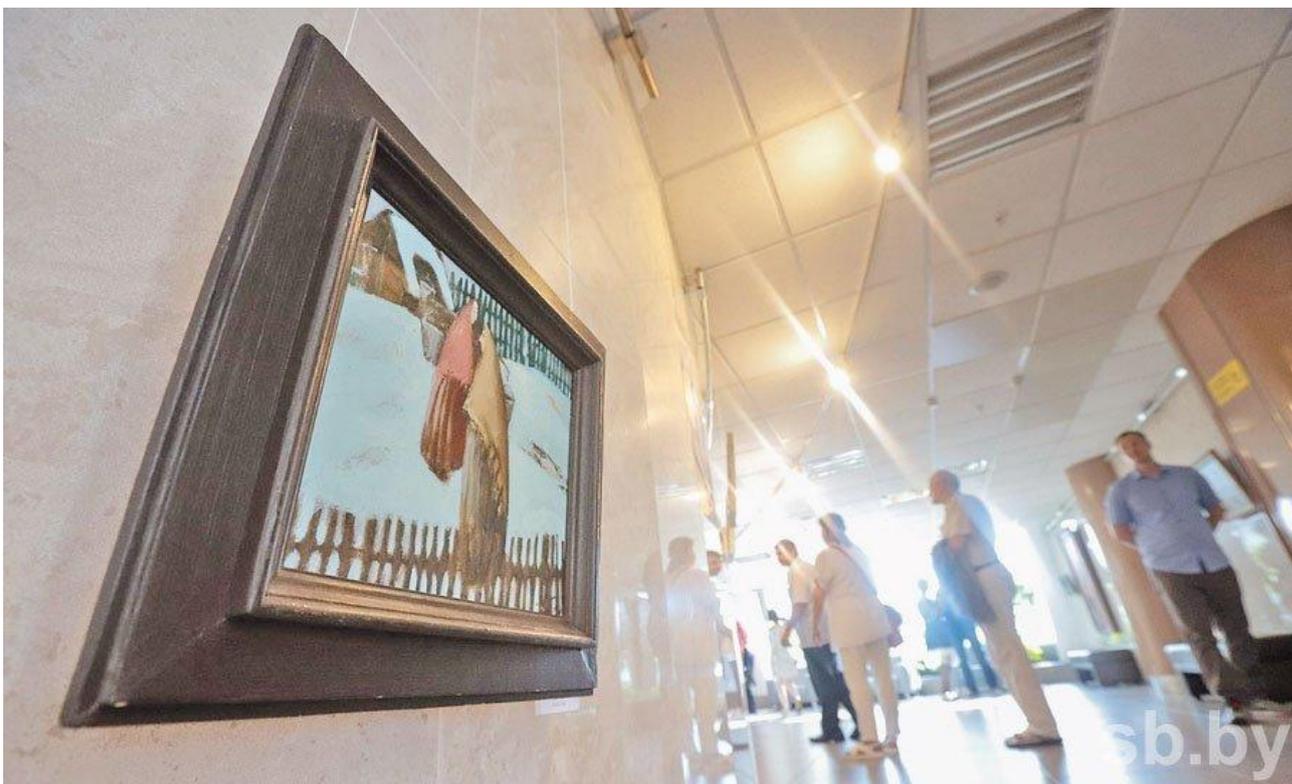

«Трапеза»

Небо

— Думаю, Чернобыль оказался для отца даже страшнее войны. У него погибла родина — деревня, где он родился, попала в зону отселения. Это его реально скосило — видно было по картинам, по тому, как мучила его эта тема всю жизнь. Хотя внешне оставался таким же ровным, как всегда.

И о своей смерти он говорил абсолютно спокойно. Даже понимая, что уходит. Сам нарисовал эскиз надгробного памятника — камень и крест. Позже в лесу я нашел похожий валун... «Мне нетрудно умирать, — говорил отец. — Я прожил вполне хорошую жизнь, воспитал сыновей, у меня прекрасные внучки, ученики». Была ночь на 14 февраля. Я приподнял его, чтобы он мог увидеть лунное небо. Так и ушел. Спокойно, по-мужски, устремив глаза в небо.

Выставка Гавриила Ващенко в Национальной библиотеке продлится все лето
фото Виталия Пивоварчика.

В мастерской остался неоконченный набросок дерева. Сын подарил этот холст гомельской галерее. Последнее дерево Ващенко. С крепким стволом. С живой листвой.